

А.Н. Леонтьев

**Избранные психологические
произведения**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
А11

A11 **А.Н. Леонтьев**
Избранные психологические произведения: Том 1 / А.Н. Леонтьев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 392 с.

ISBN 978-5-458-36861-2

Том 1 содержит работы, сгруппированные по трем тематическим разделам. В первый раздел вошли работы разных лет, отражающие становление и развитие методологических основ современной советской психологии. Во второй раздел вошли две крупные работы, в которых раскрыты положения о возникновении психического отражения и его развитии в процессе филогенеза до зарождения человеческого сознания. В третьем разделе собраны работы, посвященные изучению психического развития в процессе онтогенеза. Ряд работ публикуется впервые.

ISBN 978-5-458-36861-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К 80-летию
со дня рождения
лауреата Ленинской премии,
профессора
Алексея Николаевича
ЛЕОНТЬЕВА

От составителей

Предлагаемые вниманию читателя «Избранные психологические произведения» А. Н. Леонтьева — первое посмертное издание трудов выдающегося ученого. В связи с этим перед редакцией встает нелегкая задача выбора из обширного научного наследия А. Н. Леонтьева именно тех работ, которые наиболее полно передают главное в его творчестве. Каким образом в мозаике произведений, написанных в разное время и по разному поводу, выделить тот логический стержень, тот, как бы сказал сам Алексей Николаевич, «придающий смысл всему сделанному мотив»? Ни хронология появления произведений, механически расставляющая все работы на беззлой временной оси, ни фундаментальные сборники, такие, как «Проблемы развития психики», не облегчают решение этой задачи. Самое большое, что отражают сборники, — это логику того или иного периода творческих исканий А. Н. Леонтьева, а не единую панораму его сложного и порой противоречивого теоретического наследия. Не раскрывают подобные сборники и того места, которое занимает А. Н. Леонтьев как в школе Л. С. Выготского, так и в истории психологической науки. В связи с этим в настоящем издании хронологический принцип всюду подчинен логическому.

Логический принцип, положенный в основу композиции настоящего издания психологических трудов А. Н. Леонтьева, можно охарактеризовать как принцип историзма, исторического подхода к изучению психических явлений; за воплощение этого принципа в ткани конкретных исследований А. Н. Леонтьев боролся всю жизнь. Композиция избранных произведений составлена таким образом, чтобы помочь читателю стечтливее увидеть становление советской психологии как «исторической человеческой психологии». В соответствии с этим двухтомник разбит на пять логически связанных друг с другом разделов.

Первый раздел «Исторический подход к изучению психических явлений» отражает разработку А. Н. Леонтьевым одной из центральных идей его теории — идеи об общественно-исторической природе психики человека. Раздел открывается небольшой статьей, в которой А. Н. Леонтьев, прощаясь с Л. С. Выготским, как бы принимает от него творческую эстафету. В ней и следующей статье в предельно сжатом виде раскрывается суть учения Л. С. Выготского и дается оценка его личности, его роли в советской психологии. Затем идут уже ставшее классическим экспериментальное исследование по психологии памяти, в котором реализуются принципы культурно-исторической теории психики, и впервые публикуемое исследование речи, знакомое ранее психологам лишь по устным выступлениям А. Н. Леонтьева. Раздел завершается относительно поздними работами автора «Биологическое и социальное в психике человека» и «Об историческом подходе к изучению психики человека», в которых А. Н. Леонтьевым как бы подводится итог разработки принципа историзма в психологии.

Таким образом, все статьи первого раздела объединяет мысль о том, что постичь психические явления — это значит изучить их в процессе развития, раскрыть историю их становления. Но любая история приведет лишь к поверхностному описанию, если не будут раскрыты те силы, которые ее творят. Что порождает психическое отражение? Каковы закономерности его функционирования и развития? Отвечая на вопрос о движущих силах развития психики, о подлинном демиурге психического отражения, А. Н. Леонтьев вводит категорию деятельности, в анализе которой он видит исходный момент познания мира психических явлений. Исторический подход остается бесплодным, если в нем не реализуется идея анализа предметной деятельности как главного метода. Вот альфа и омега общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева.

Во втором, третьем и четвертом разделах принцип исторического подхода к психике конкретизируется на материале филогенеза, онтогенеза и функционального развития психического отражения. Даже сами названия разделов говорят о принятой логике композиции «Избранных психологических произведений»: возникновение и эволюция психики, развитие психики в онтогенезе и, наконец, функционирование различных форм психического отражения. Все эти разделы объединяет идея А. Н. Леонтьева о том, что

только через анализ предметной деятельности современная психология может прийти к раскрытию подлинных закономерностей функционирования и развития психики, к объективному изучению психического. Если, однако, на ранних этапах становления школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия категория предметной деятельности вводилась хотя и на весьма почтенных, но все же подсобных ролях, а именно в качестве средства объяснительного принципа при изучении, например, развития психического отражения в ходе биологической эволюции, или развития психики ребенка, или порождения образа, то впоследствии теоретические поиски А. Н. Леонтьева все более и более сосредоточиваются на изучении самой предметной деятельности, ее строения и динамики, ее объяснительного потенциала.

Наиболее завершенную форму эти поиски получили в работе «Деятельность. Сознание. Личность», которой и открывается последний, пятый, раздел двухтомника. В этот раздел также помещены труды, написанные и частично опубликованные А. Н. Леонтьевым в последние годы жизни. В них как бы намечается «зона ближайшего развития» теории деятельности, ее перспективы.

В двухтомник включена публикуемая впервые полная библиография работ А. Н. Леонтьева. Все статьи снабжены краткими комментариями.

Такова в общих чертах композиция «Избранных психологических произведений» А. Н. Леонтьева.

А. Г. Асмолов, М. П. Леонтьева

А. Н. Леонтьев и развитие современной психологии

Существуют ученые, судьбы которых неразрывно связаны с историей становления науки и своей страны. К их числу принадлежит, наряду с такими выдающимися психологами, как Лев Семенович Выготский, Александр Романович Лuria, и Алексей Николаевич Леонтьев. Конечно, говоря о личности этого ученого, можно было бы охарактеризовать его как одного из основоположников советской психологии и создателя теории деятельности, без которой сегодня немыслима отечественная наука, можно было бы привести длинный список его чинов и регалий. Но разве приблизят подобные сведения хотя бы на йоту к пониманию творчества и личности А. Н. Леонтьева? Разве откроют нам секрет, откуда взялась в трех молодых людях — Л. С. Выготском, А. Н. Леонтьеве и А. Р. Лuria — дерзость, побудившая их поставить перед собой задачу создания психологии нового типа — марксистской психологии? Они взялись за эту неслыханную по своей трудности задачу, взялись и решили ее.

Начало научной деятельности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лuria почти совпадает с началом истории Советской страны. И весьма знаменательно, что строительство но-

вой психологии начиналось не с теории, а с практики: педагогическая, детская психология, дефектология (Л. С. Выготский); клиника и изучение одногодичевых близнецов (А. Р. Лuria); формирование понятий у школьников (А. Н. Леонтьев); психологические основы иллюстрации детских сказок и развитие мышления ребенка (А. В. Запорожец); овладение детьми простейшими орудиями (П. Я. Гальперин); развитие и формирование памяти школьников (П. И. Зинченко) — вот далеко не полный список тех практических задач, которые решались в коллективе, возглавлявшемся Л. С. Выготским, а после его кончины А. Н. Леонтьевым и А. Р. Лuria. Работали они много и радостно. Теория была для них средством, а не целью. Они все участвовали в происходивших в стране великих преобразованиях, делали все для того, чтобы психология внесла свой вклад в эти преобразования. Характерно, что, говоря о практике, Л. С. Выготский неоднократно сравнивал ее с камнем, который презрели строители и который стал во главу угла. И этот путь оказался правильным. Именно он привел к теории.

В первых научных работах есть неповторимая прелест, удивительная, граничащая с прозрением свежесть взгляда. И, может быть, поэтому первые работы больше отмечены печатью личности писавшего. Такой работой, несомненно, является первая книга А. Н. Леонтьева «Развитие памяти» (1931), в которой содержатся основные положения будущей психологической теории деятельности.

Следует упомянуть также и о том, в какой борьбе и идейной полемике рождалась эта теория. А борьба шла не только извне, но и внутри школы Л. С. Выготского. В первой большой публикации П. И. Зинченко, датированной 1939 г., была дана в высшей степени суровая критика работ Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, но при этом автор статьи не преминул указать, что его исследование непроизвольной памяти выполнено под руководством А. Н. Леонтьева.

Значение психологической теории деятельности для развития современной психологии вкратце можно охарактеризовать следующим образом.

1. Ее разработка в нашей стране — это не веяние, а веление времени, это достижение всей психологической науки. В ее создание внесли огромный вклад не только школа Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева, но и целый ряд выдающихся психологов, принадлежавших к другим направлениям и школам. Можно назвать имена Б. Г. Ананьева, М. Я. Басова, П. П. Блонского, С. Л. Рубинштейна, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, Д. Н. Узладзе. Наиболее существенен был вклад С. Л. Рубинштейна.

2. Психологическая теория деятельности ассилировала, освоила, практически переработала достижения и опыт мировой психологической науки.

3. Эта теория вобрала в себя общенаучные достижения, экспликация которых является важным условием развития всякой науч-

ной дисциплины. К таким достижениям можно отнести теорию эволюции выдающегося биолога А. Н. Северцова, уникальные исследования создателя биopsихологии В. А. Вагнера, результаты исследований физиологии мозга, работы органов чувств и двигательного аппарата, полученные И. М. Сеченовым, Ч. Шеррингтоном, Н. Е. Введенским, А. А. Ухтомским, И. П. Павловым, и особенно Н. А. Бернштейном.

4. Эта теория неотделима от передовой историко-философской традиции, экспликация достижений которой применительно к задачам психологии была осуществлена прежде всего Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном, а затем продолжена как последователями и учениками самого Алексея Николаевича Леонтьева, так и советскими философами и методологами науки, такими, как Э. В. Ильинков, П. В. Копнин, В. А. Лекторский, А. П. Огурцов, В. С. Швырев, Э. Г. Юдин и многие другие.

5. Создание психологической теории деятельности связано с осмыслением достижений гуманитарных наук и искусства. Эти достижения в трудах Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, А. А. Леонтьева освоены лишь частично, и весьма актуальной представляется дальнейшая работа по освоению психологами научного наследия таких исследователей искусства, как М. М. Бахтин, П. Валери, А. Ф. Лосев и многие другие.

6. Психологическая теория деятельности теснейшим образом связана с прикладными отраслями психологии. Между этой теорией и ее практическими приложениями непрестанно происходит обмен и взаимообогащение идеями, методами, результатами. В ряде отраслей психологии эта теория достигла высоких уровней операционизации в лучшем смысле этого слова. Иными словами, основные положения теории деятельности нашли свое отражение практически во всех разделах психологической науки. Поэтому ее не случайно называют общепсихологической теорией деятельности.

Вряд ли здесь есть необходимость детально разбирать эту теорию. Для этого читателю лучше обратиться к публикуемым в двухтомнике работам самого Алексея Николаевича, но основную идею общепсихологической теории деятельности, наиболее рельефно прозвучавшей в последней вышедшей при жизни А. Н. Леонтьева книге «Деятельность. Сознание. Личность», хочется разобрать подробнее.

В попытке понять и оценить какое-либо дело необходимо в первую очередь исходить из его цели. Не является исключением в этом отношении научная теория. Конечным пунктом, ориентиром развития психологической теории сознания была для А. Н. Леонтьева проблема «психологического мира», «образа мира». Исходной точкой его теоретического построения была категория жизни. Одновременное и в каком-то смысле встречное движение от этих предельных для психологии категорий и должно было дать теорию человеческого сознания. Вместе с тем обе категории постоянно присутствуют в каждом моменте развертывания данной теории, составляя ее душу, ее сокровенную суть. Эти категории уже присутствовали,

правда не в столь отчетливой форме, в первых работах А. Н. Леонтьева по проблеме возникновения психики.

Полезно напомнить идеиную ситуацию, сложившуюся в школе Л. С. Выготского к 30-м гг. Самого Л. С. Выготского в то время больше всего интересовала проблема генезиса и строения сознания. На ее решение в конечном счете были направлены проводившиеся им исследования высших психических функций, таких, как эмоции, воображение, мышление, речь. Не случайно Л. С. Выготский следующим образом заканчивает книгу «Мышление и речь»: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» (1934, с. 318). Эту же цель преследовали и первые исследования внимания и памяти, выполненные А. Н. Леонтьевым под руководством Л. С. Выготского.

В середине 30-х гг. А. Леонтьев обращается к проблеме генезиса психики. Он совместно с А. В. Запорожцем разрабатывает гипотезу, согласно которой возникновение элементарной чувствительности связано с кардинальными изменениями условий жизни органических существ. Он связывает превращение раздражимости в чувствительность с переходом организмов от существования в гомогенной среде к жизни в среде, вещно оформленной, состоящей из отдельных предметов. Решая проблему возникновения психики, А. Н. Леонтьев шел от мира (условий жизни), суживая его при формулировании своей гипотезы до предмета потребности. Таким образом, он последовательно переходит от понятия «жизнь» к понятию «жизнедеятельность», затем к понятию «деятельность», которое становится центральным в его психологической концепции. Не меньшую роль в этой концепции играет понятие «предмет деятельности». Как сама деятельность есть единица жизни, так основной, конституирующий ее момент — предмет деятельности есть не что иное, как единица мира. Без учета этого положения невозможно понять идею А. Н. Леонтьева, согласно которой мотивом деятельности является предмет, отвечающий потребности субъекта.

Действительно, почему внешний предмет, вещь — это мотив моей деятельности? Но разве он сам по себе может побуждать меня? Разве не моя потребность, желание, разве не предвосхищаемое мною удовольствие от овладения этим предметом или соприкосновения с ним заставляют меня действовать? И вообще, я должен сначала по крайней мере воспринять эту вещь, прежде чем она (а значит, уже не она, а ее образ) сможет оказать на меня мотивирующее воздействие. Ведь если даже предположить на минуту, что вещи сами по себе побуждают субъекта к деятельности, то в таком случае он становится марионеткой в руках вещей: деятельность актуализировалась бы при всяком появлении вблизи субъекта внешнего предмета, вне зависимости от того, есть ли у субъекта в данный момент потребность в нем или нет. Но раз в деятельности такая ситуация не наблюдается, то, следовательно, исходное

предположение о том, что функцию мотива деятельности выполняет ее предмет, неверно.

В подобных рассуждениях кроется, как любил говорить Алексей Николаевич, «большая психологическая правда, но одновременно и большая ложь». Вещи сами по себе действительно не могут побуждать деятельность. Но это не значит, что предмет не обладает такой способностью. Методологическая сердцевина вопроса в том и состоит, что субъект не живет в мире вещей и событий самих по себе, как предполагает абстракция изолированного робинзонадного существования человека. Суть этой абстракции заключается в том, что в онтологии отдельно и безотносительно друг к другу рассматриваются человек (как абстрактный изолированный человеческий индивид) и мир. Последний, естественно, может браться и берется при этом «только в форме объекта или в форме созерцания, а не как чувственно человеческая деятельность, практика, не субъективно»¹. Иными словами, если мы изначально не положили в онтологию психологической теории некоторую положительную, практическую, деятельность, жизненную связь между индивидом и миром, а рассматриваем их как две отделенные и противостоящие друг другу вещи и только затем ищем те формы связей, которые вытекают из природы этих вещей, то мы неминуемо придем к одной из двух возможностей, предусмотренных в приведенном выше высказывании К. Маркса. В первом случае мы увидим деятельность глазами абсолютного внешнего наблюдателя, не учитывавшего факта присутствия и действия в мире живого и страстного субъекта (т. е. возьмем ее только в форме объекта). Во втором случае мы увидим деятельность глазами, так сказать, абсолютного субъективного наблюдателя, не берущего в расчет объективных характеристик деятельности, раскрывающихся только в практической деятельности (т. е. возьмем деятельность лишь в форме созерцания).

А. Н. Леонтьев в своих исследованиях исходил из онтологических посылок, прямо противоположных абстракции робинзонадного существования человека. Онтологию, лежащую в основе психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева, можно назвать онтологией «человеческого бытия в мире». Она исходит из того факта, что мы нигде, кроме наших абстракций, не находим человека до и вне мира, вне реальной и действенной связи его с объективной действительностью. Его жизненный мир является, собственно говоря, единственным побудителем, источником энергии и содержания жизнедеятельности. Когда же в целях построения психологической теории мы выделяем в качестве единиц жизни субъекта отдельную деятельность, то в рамках этой позитивной абстракции мир представлен отдельным предметом, который по существу есть не что иное, как единица жизненного мира. Предмет, таким образом, — это не просто вещь, а вещь, уже включенная в бытие, уже ставшая необходимым «органом» этого бытия, уже субъективированная са-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 261.

мим жизненным процессом до всякого специального (созерцательного) освоения ее.

Это один из наиболее трудных пунктов психологической теории деятельности. По его поводу нередко высказываются недоумения и возражения, в том числе и такого рода, что концепция мотивации А. Н. Леонтьева не соответствует фактам. Будь она верна, живые существа, столкнувшись с предметом потребности, каждый раз приступали бы к ее удовлетворению, становились бы рабами предметного мира. Что касается этого возражения, то оно ничем не отличается от «опровержения» закона свободного падения эмпирическими фактами падения тел, не соответствующими формуле этого закона. Дело в том, что всякая закономерность, в том числе и обсуждаемая теперь закономерность побуждения деятельности предметом, реализуется в чистом виде только в идеальных условиях. В данном случае таким условием является «отдельность» деятельности, т. е. отсутствие влияния на ее побуждение со стороны других деятельности субъекта, но это как раз та точка в теоретическом движении, где представление о предмете потребности как единственной инстанции побуждения перестает работать и требуется введение дополнительных представлений о внутренних процессах сознания, опосредствующих побуждение деятельности. Следовательно, предметная деятельность порождает психику, как орган собственной регуляции, освобождающий деятельность от фатальной ситуативной зависимости. И высшие психические функции в психологической теории деятельности сохраняют черты этой предметной деятельности. На таком понимании построен подход к изучению процессов восприятия, памяти, мышления как систем перцептивных, мнемических умственных действий, подход, развитый школой Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лuria.

Таким образом, подтверждается тезис о том, что деятельностная теория психики и сознания строится под знаком двух ведущих категорий — жизни и мира. Чтобы правильно понимать эту теорию, нужно все время помнить, в каком онтологическом пространстве она строится. Это пространство не физическое и не феноменальное, хотя оно связано с тем и другим, находясь как бы на их границах, это жизненный мир, «материей которого является деятельность». И эта материя характеризуется собственной биодинамической и чувственной тканью. Кроме того, поскольку речь идет о человеке и человеческой деятельности, то этот мир пропитан знаковостью, символичностью, нормативностью, которые объективно (т. е. независимо от индивидуального сознания и произвола) структурируют его. Здесь уже речь идет не о предметной деятельности человека, но об исторически развивающейся предметной деятельности человечества. Поэтому, по А. Н. Леонтьеву, «... «оператором» восприятия являются не просто накопленные ассоциации ощущений и не апперцепция в кантианском смысле, а общественная практика» (наст. изд., т. II, с. 133). Но восприятие вместе с этим подчиняется и общим свойствам, связям, закономерностям реальной действительности: «Это — другое, более полное выражение предметности субъективив-

ного образа, которая выступает теперь не только в его изначальной отнесенности к отражаемому объекту, но и в отнесенности его к предметному миру в целом» (там же, с. 133).

И здесь мы встречаемся с чрезвычайно интересной эволюцией взглядов А. Н. Леонтьева. Если при исследовании генезиса ощущений ему пришлось сузить окружающий мир, редуцировать его до отдельного предмета удовлетворения потребности или даже до его отдельных свойств, то спустя почти 40 лет в анализе сложных процессов перцепции А. Н. Леонтьев делает противоположный ход. Он «расширяет» отдельный предмет до границ предметного мира как такового. Оказывается, что условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру. Сказанное означает, между прочим, и то, что новая онтология психологической реальности потребовала иной концептуальной схемы для ее описания и развития новых методов для ее исследования по сравнению с теми, которые были развиты в классической психологии. Проиллюстрируем это на примере деятельностной теории сознания, взяв ее в историческом контексте.

Теория сознания классической психологии неотделима от ее интроспективного метода. Сознание, наблюдаемое как непосредственная внутренняя рефлексия, представлялось либо пространством, в котором развертываются психические процессы, либо особенным качеством этих процессов — их большей или меньшей «освещенностью». Так или иначе сознание понималось как имеющая самостоятельное бытие особая сущность, которую можно и должно изучать, отвлекаясь от тех примесей, которые привносятся в него извне: из опыта социальных отношений индивида и его взаимодействия с вещами внешнего мира. Другими словами, метод исследования сознания состоял в очищении непосредственного опыта от любых внешних содержаний, в деобъективации его, а получающийся в результате остаток и был искомым чистым сознанием. Однако всякий раз оказывалось, что после такого «выпаривания» интроспекция исследователя упиралась в пустоту, так что не оставалось ничего другого, как принять за сознание ее самое.

Анализ классической психологии сознания, проделанный А. Н. Леонтьевым, показал бесперспективность исследования индивидуального сознания вне его связей, во-первых, с конкретным бытием человека и, во-вторых, с общественным сознанием.

Это означает одну простую и в то же время чудовищно трудную для понимания вещь. Так же как мы с большим трудом осваиваемся с идеей относительности в физике, нам трудно, в силу привычек нашей психологизированной культуры, освоить мысль, что на деле мы оперируем различием внутри самого сознания двух видов явлений: 1) явлений, сознанием и волей контролируемых и развертываемых (и в этом смысле идеалконструктивных), и 2) явлений, хотя и действующих в самом сознании, но неявных по отношению к нему и им неконтролируемых (и в этом смысле неконтролируемых субъектом и вообще бессубъектных). Мы подчеркива-